Первый слой памяти

Автор:
Кир Булычев

Первый слой памяти

Кир Булычев

«В среде самоубийц принято оставлять записки: «В смерти моей прошу никого не винить». Так вот: в моих несчастьях прошу винить телефон. Он мой враг, я его раб. Более решительный человек на моем месте обязательно оборвал бы шнур или разбил аппарат. Я не могу…»

Кир Булычев

Первый слой памяти

В среде самоубийц принято оставлять записки: «В смерти моей прошу никого не винить». Так вот: в моих несчастьях прошу винить телефон. Он мой враг, я его раб. Более решительный человек на моем месте обязательно оборвал бы шнур или разбил аппарат. Я не могу. Телефон вне моей юрисдикции. Если бы каждый, вместо того чтобы носить свой крест, рубил его на дрова, некому было бы становиться мучениками. Когда человеку что-то от меня нужно, он добирается до меня с помощью телефона. Еще бы, если бы он отправился ко мне пешком или воспользовался городским транспортом, он трижды подумал бы, прежде чем решиться на такое. Если у вас есть телефон, вы меня поймете. А если нет, вы меня не поймете, потому что обиваете пороги в телефонном узле, доказывая, что по роду службы вам телефон необходим, как горный воздух. Кстати, я и сам обивал пороги, но самое страшное – если бы телефон у меня сняли, начал бы обивать пороги вновь. Как видите, я предельно откровенен.

Я еле добрался до дома. Был жаркий, обманчивый весенний день, который обязательно должен был обернуться к ночи чуть ли не морозом. Так и случилось. Если учесть, что отопление уже было выключено, то ясно, почему я, забравшись в постель и зачитавшись полученной на два дня Агатой Кристи, с таким негодованием воспринял телефонный звонок, раздавшийся в половине двенадцатого. Я дал ему отзвонить раз десять, надеясь, что ему надоест и он поверит, что меня нет дома. Но телефон не поверил. Я снял трубку и, ежась от холода, прорычал в него какое-то слово, которое можно было трактовать как угодно.

– Гиви, – сказал телефон голосом Давида. – Я тебя не разбудил?

– Разбудил, – не отрицал я.

– Я так и думал, – продолжал Давид, не зная, что в таких случаях следует извиняться. – Так вот, сейчас за тобой заедет наша машина. Шеф уже в институте.

– Очень тронут, – признался я. – А что делает наш дорогой шеф в институте в двенадцать часов ночи? Несовершеннолетние преступники украли установку и разобрали ее на винтики для детского конструктора?

– Не паясничай, Гиви, – сказал Давид скучным голосом. Он всегда говорит скучным голосом, когда я паясничаю. – Серьезное дело, машина будет у тебя с минуты на минуту. Она заедет за Русико, это ведь недалеко?

– Совсем рядом. Я только вчера провожал ее до дому, и, по-моему, ее отец целился в меня с балкона из крупнокалиберного ружья.

Давид повесил трубку, чем показал всю серьезность заявления. Я решил никуда не ехать, но на всякий случай начал одеваться. В этом вся моя непоследовательность, но, наверно, она происходит от того, что я рос без отца. Я принимаю решение и тут же начинаю действовать наоборот.

Я не успел натянуть пиджак, как под окном коротко тявкнула машина. По голосу это была директорская машина.

Было холодно, как в феврале высоко в горах. Русико сидела в черной «Волге», она была не накрашена и полна сознания собственного достоинства. Не каждый день за хирургической сестрой присылают черную «Волгу».

– Русико, – спросил я, усаживаясь с ней рядом, – что там приключилось в институте?

– Не знаю, – ответила Русико таким тоном, как будто она-то знала, а вот еще неизвестно, допущен ли я к такой великой тайне. – Мне позвонили. Мне Давид звонил, – добавила она.

– Какая честь, – сказал я. – И чем ты ее заслужила?

Русико пожала круглыми и, подозреваю, очень белыми плечами.

– А в самом деле, что он тебе сказал? Ведь он не имеет морального и служебного права поднимать с постели молодую и прекрасную женщину.

– Будет операция. Наверное, из-за землетрясения.

– Чего? Какое еще землетрясение?

– Утром было землетрясение, – включился в разговор шофер. – Далеко было, в горах.

– И опять мне ничего не сообщили, – обиделся я. – Наверное, обсуждали, судачили, а когда я вылез из лаборатории, ни единого слова. А ведь я обожаю поговорить о землетрясениях и пожарах. Скажите, а сегодня в Тбилиси не было извержения вулкана?

– У нас здесь нет вулканов, – объяснила мне прекрасная Русико. – Вулканы на Камчатке.

– Спасибо, – сказал я, и тут мы приехали.

Перед институтом было вавилонское столпотворение, как будто дело происходило в конце рабочего дня. Стояли машины, бегали люди, в половине

окон горел свет.

– Землетрясение продолжается, – сказал я, вылезая из машины, и, надо признаться, мной овладели всевозможные предчувствия.

Давид и сам Лордкипанидзе стояли посреди холла.

– Всегда на посту, – приветствовал я их, не здороваясь, потому что имел уже честь утром засвидетельствовать свое почтение обоим моим коллегам.

– А вот и Гиви, – сказал Лорд и, обернувшись к Русико, приказал: – Сейчас же наверх, в операционную, я скоро там буду.

– Простите, – сказал я, – где здесь у вас справочное бюро? Я хотел бы получить информацию о своем ближайшем будущем.

– Разъясните, – бросил Лорд Давиду и понес свое грузное тело на второй этаж.

– Только в двух словах, – предупредил меня Давид, словно моя минимальная норма на объяснения состояла из четырех слов и одной запятой. – Мне позвонил Пачулия. Ты его знаешь? Пачулия на «Скорой» работает. Ты его не знаешь? Странно.

– Ближе к делу, – сказал я Давиду строгим голосом. – Тебя просили все мне разъяснить, а не выяснять мои личные отношения с Пачулия.

– Да, конечно, правильно. – Давид поковырял ногтем дужку очков. – У них больной, шоковый, неизвестно еще, вытянут они его или нет. А там как раз эпицентр землетрясения. Маленького землетрясения.

Пальцы Давида непроизвольно показали, какие маленькие бывают землетрясения.

– Не может быть, – поразился я. – Таких маленьких не бывает.

– Говорят, в Тбилиси в некоторых районах звенела посуда в шкафах.

– Это от городского транспорта, – постарался я утешить Давида. – А все-таки при чем тут мы? Мы не «Скорая помощь». Мы научно-исследовательский институт, можно сказать. Институт мозга.

– Вот именно. Институт мозга. А Пачулия знал, над чем мы работали. Он в феврале был на конференции в Киеве, где Лорд делал доклад. Вот он и запомнил. Идея, конечно, дикая, малореальная, но от этого зависят жизни других людей.

Тут Давида отвлекли. В вестибюль вбежала очаровательная тоненькая девушка, растрепанная, она бросилась к нам и прошептала:

– Он где? Он жив?

У девушки было такое большое и детское горе, что даже столь закоренелый эгоист и циник, как я, отвернулся и не сказал ни слова. Я вообще в таких случаях ничего не умею говорить. Зато Давид – великий мастер врачебного обхождения.

– Вы, простите, о ком спрашиваете? – спросил он почти нежно.

– О Бесо. О Бесо Гурамишвили.

– Конечно, конечно, – сказал Давид. – Состояние, прямо скажу, тяжелое, но нет никаких оснований отчаиваться.

– Можно мне к нему? – перебила Давида девушка.

– Нет, сейчас нельзя. Завтра можно будет.

– Но вы меня не обманываете?

– Зачем я буду вас обманывать? Сейчас Бесо спит, и его нельзя беспокоить. Я вам советую завтра с утра сюда приехать и тогда…

– Он разбился? Да? Он в пещере разбился? – Девушка заметила, что Давид, взяв меня под локоть, старается увести наверх, и подошла поближе.

– Нет, – сказал Давид, – его нашли наверху. На дороге.

– А остальные?

– Их ищут.

– А как же он мог выйти, а они нет?

Давид посмотрел на круглые электрические часы над лестницей и принял кардинальное решение.

– Слушайте. Два часа назад на дороге, в сорока километрах от города, был найден Бесо Гурамишвили. Его нашел шофер грузовика и хотел было отвезти в больницу, в район, он ехал от Тбилиси, но, пока шофер пытался помочь Бесо, появилась машина спасателей. И они узнали Бесо. Они его не трогали, пока не приехала «Скорая помощь» из города. Теперь ясно?

Я сказал, что мне ничего не ясно, а девушка хотела было сказать то же самое, но не посмела.

– Что не ясно? – удивился Давид.

– Почему спасатели искали Бесо. Он альпинист?

– Нет, он спелеолог. Ты, конечно, не читал. Ты ничего, кроме развлекательной литературы, не читаешь. В прошлом году спелеологи начали прохождение пещеры, всего в сорока километрах отсюда. Об этом писали везде. Это большая экспедиция.

– Восемнадцать человек, – уточнила девушка.

Она немного успокоилась. Я представил себе, каково ей было мчаться сюда по ночному городу, когда ее возлюбленный в больнице и неизвестно еще, жив ли он.

– Они в прошлом году начали, шестнадцать километров на карту нанесли. Вы не представляете, как там интересно. Он меня той осенью брал, только до базы.

Там такой сталактитовый зал… Алеша!

Оказывается, она увидела рыжего бородатого детину в штормовке, из той довольно скучной породы людей, которым всегда надо залезть в такие места, куда нормальных людей не тянет.

Девушка бросилась к Алеше, словно пустынник к воде. Давид уточнил:

– Спасатель.

– Ну и что дальше? – говорю я. – Где мы появляемся на сцене?

– Бесо – один из спелеологов. Группа работала под землей уже вторую неделю. У них там врач. Есть связь с землей по рации, а наверху контрольная группа. Сегодня днем было землетрясение. В общем, вход в подземелье завалило, связь прервалась, и, что случилось со спелеологами, никому не известно. Представляешь, до самой ночи спасатели пытаются бурить завал, ищут, нет ли других входов в пещеру, и вдруг на дороге, в десяти километрах от основного входа, оказывается Бесо Гурамишвили.

– А он ничего не может рассказать.

– Правильно. Он ничего не может рассказать, и есть основания полагать, что привести в сознание его сегодня не удастся. А когда удастся…

– Вход сильно завалило?

– Видно, сильно. Спроси у Алеши. Он привез Бесо. Он его друг.

– Сам спрашивай. Моей помощи там не потребуется.

– Наша с тобой помощь может потребоваться.

– Каким образом?

– Установка.

– И как с ее помощью добраться до спелеологов?

– Идем наверх, по дороге ты будешь думать, Гиви. Может, догадаешься.

Я шел по лестнице. Передо мной покачивалась широкая мягкая спина Давида, и я все не мог придумать, как с помощью нашей установки можно откопать спелеологов. Сразу восемнадцать человек, нет, семнадцать, один из них как-то выкарабкался…

– Слушай, Давид, а не могло так быть, что этот Бесо выбрался наверх до обвала?

– Не могло, – ответил Давид. – Он был в пещере со всеми.

– А может, его как-то выкинуло наверх?

– Не мели чепухи.

– Значит, он выходил потом?

– Потом.

Мы подошли к кабинету Лорда. Лорд был там. Он разговаривал с незнакомым мне мужчиной, на котором белый халат сидел неловко, словно плохо подогнанный маскарадный костюм доктора Айболита.

– Понял, – сказал я. – Значит, Бесо знает, как к ним спуститься, не разбирая завала.

– Ты почти гений, – ответил Давид серьезно. – Эта мысль пришла Пачулия, когда он вез Бесо в Тбилиси на «Скорой помощи».

Мы стояли в дверях кабинета Лорда. Лорд нас не замечал.

– Гурамишвили – мастер спорта по альпинизму, – объяснил человек в неловко сидящем халате, обращаясь к Лорду, как будто бы отвечая на мой следующий вопрос. – В первой десятке скалолазов республики. Логично, что, если у них была

возможность добраться до какой-то трудной щели, пошел Бесо. Второго такого среди них не было. А он молчит.

Человек сказал это с осуждением, как будто Бесо молчал назло ему. У него были большие черные усы и рыжие печальные глаза.

– Итак, молодые люди, – обратился к нам Лорд. – Вот, присутствующий здесь товарищ Кикнадзе полагает, что мы можем ему помочь.

– Не мне, – поправил его товарищ Кикнадзе. – Тем, кто ждет помощи.

Лорд фыркнул. Лорд не терпит, когда его поправляют.

– Мы должны узнать, – продолжал Лорд после некоторой паузы, – как найти спелеологов. И очевидно, никто, кроме нас, этого сделать не сможет.

– Никто, профессор, – согласился товарищ Кикнадзе, осознавший свой промах.

Давид спросил Лорда:

– Будем готовить установку?

– Я уже распорядился, – сказал Лорд. – Меня интересует другое – кто будет принимать?

– Я, – сказал Давид.

Лорд посмотрел на него в глубоком сомнении. Я понимал Лорда. Давид – мальчик из хорошей семьи, которого много и вкусно кормили в детстве и не заставляли заниматься спортом. Давид получился мягкий, теплый, округлый, но, на удивление родственников, работящий. Он близорук, из-за чего его возили ко всем окулистам Москвы, Ленинграда и чуть ли не Владивостока. Любой другой на месте Давида возненавидел бы медицину, а он, наоборот, полюбил ее. За муки, что ли?

– Если получится, – сказал Лорд, – то ведь придется туда идти…

И он обратил свой взор ко мне, из-за чего я непроизвольно расправил плечи. Теоретически у меня в роду все должны были быть долгожителями, но мои дяди и тетушки умудрялись погибать в молодости или максимум в допенсионном возрасте. Они уходили на войну, падали со скал, а один дядя утонул в Атлантическом океане. Мне тоже было суждено погибнуть в молодом возрасте, и никто, кроме меня, в этом не сомневался.

– А ты как, Гиви, об этом думаешь? – спросил меня Лорд.

– Я думаю, что можно приступить, – сказал я.

Давид замурлыкал что-то о своем опыте и готовности… Лорд уже шел к лаборатории.

– Давид, – попытался я его утешить, – каждому свое, как говорили греки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/pervyy-sloy-pamyati

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити